

**THE COUNCIL FOR SECURITY COOPERATION IN THE ASIA PACIFIC
(CSCAP)**

Russian National Committee

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ СОВЕТ СОТРУДНИЧЕСТВА
ПО БЕЗОПАСНОСТИ (АТССБ)**

Российский национальный комитет (РНК)

Авторский коллектив:

***В.А.Никонов (руководитель), Г.Д.Толорая (редакция),
А.В.Воронцов, А.З.Жебин, И.С.Захарченко, Г.С.Логвинов,
В.Е.Новиков, А.А.Пикаев, И.И.Сагитов.***

Корейский полуостров: вызовы и возможности для России

Кризис у восточных границ России продолжается уже десятилетия – всплески напряженности не раз ставили Корейский полуостров на грань войны. Очередная нештатная ситуация возникла в связи с гибелью южнокорейского корвета «Чхонан», затонувшего в марте 2010 г. вблизи от т.н. северной линии разделения, причиной чего созданная южнокорейским правительством международная комиссия (с участием экспертов из стран-союзниц) объявила атаку северокорейской торпеды. Такая версия не была принята Китаем, а российские эксперты не нашли такие выводы безупречными, в связи с чем реакция мировой общественности и Совета безопасности ООН на попытки усилить нажим и санкции на Северную Корею оказалась неоднозначной. Результатом, однако, стало серьезное обострение на Корейском полуострове, причем в отношениях не только между двумя Кореями, но и среди великих держав, особенно между США и КНР. В КНДР тем временем происходили важные, хотя и подспудные процессы выработки новых подходов к руководству страной. Большая часть 2010 года на Западе прошла в ожиданиях кризиса в КНДР и возможных резких изменений на полуострове.

Насколько велика сегодня опасность широко обсуждаемого в западных СМИ неконтролируемого развития событий – коллапса КНДР, военного конфликта, спонтанного объединения Севера и Юга? Как быть с северокорейским ядерным потенциалом: есть ли опасность его военного применения или расползания технологий производства оружия массового уничтожения? Как может развиваться внутренняя ситуация в КНДР, где на повестке дня - процесс смены поколений в руководстве? Как, исходя из этого, строить отношения с руководством КНДР? К чему надо быть готовым

и какие шаги может Россия предпринять уже сейчас? Как использовать в интересах России и ее Дальнего Востока отношения с динамично развивающейся Южной Кореей, которые находятся на пути к стратегическому партнерству?

Фактор Северной Кореи в международной и региональной обстановке

Тупиковая ситуация вокруг корейского урегулирования связана с тем, что КНДР попала в фокус соперничества прежде всего США и Китая, причем за их планами с беспокойством следят в Южной Корее. И в КНР, и в Республике Корея (с участием США) разработаны планы «реагирования в случае кризиса в КНДР», а по сути – оккупации. Отсутствие у военно-политического руководства стран-партнеров КНДР ясности относительно перспектив развития внутренней ситуации на Севере заставляет их готовиться к наиболее драматическим поворотам. Серия проведенных после инцидента с «Чхонаном» американско-южнокорейских военных маневров, имеющих открыто антисеверокорейскую направленность, вызвала серьезную обеспокоенность и ответную реакцию Китая. Ситуация вокруг Кореи стала напоминать худшие времена блокового противостояния в годы «холодной войны».

На Корейском полуострове борьба двух систем приняла, как известно, и «горячие» формы. Юридически не закончена корейская война 1950-1953 гг. - она была, по сути, гражданской, хотя стороны и поддерживались внешними силами. Эта поддержка продолжилась и позднее. Северная и Южная Корея оставались поначалу схожими – жесткая диктатура, попытки «преобразовать человека», «построить новое общество». При этом Север, получавший солидную советскую и китайскую помощь, даже опережал Юг по темпам развития. Только в 1970-е годы наметился перелом, когда генерал Пак Чжон Хи с помощью США добился «южнокорейского экономического чуда», основанного на привлечении иностранного капитала, технологий и форсировании экспорта. А в придерживающейся изоляционистской политики Северной Корее, несмотря на содействие соперничающих за нее СССР и Китая, наступил застой.

Распад СССР и мировой социалистической системы стал для КНДР серьезным ударом – прекратилась помощь, остановились предприятия, построенные и работавшие под заказы стран соцдружества. За смертью в 1994 году Ким Ир Сена последовали голод и стихийные бедствия. В мире ожидали скорого распада северокорейского режима по аналогии с другими странами социализма. Эти ожидания не оправдались. И, прежде всего, потому, что система КНДР, часто уподобляемая сталинизму, имеет несколько иную основу (в новой редакции Конституции даже

термин «коммунизм» уступил место «идеям чучхе»). Режим КНДР базируется не столько на марксистско-ленинских принципах, сколько на конфуцианско-феодалной традиции и национализме, а отчасти – на колониальной японской жандармской политической структуре. Унаследовавший от отца власть Ким Чен Ир провозгласил курс «сонгун» – «армия превыше всего». Милитаризация призвана обеспечить жесткий контроль над обществом. Северокорейское руководство апеллирует к «особости» корейской нации, культурно-историческому наследию. Провозглашена цель «построения сильного и процветающего государства» (имеющая давние корни восточная максима), причем «открыть ворота на пути к нему» надо уже в 2012 году (столетие со дня рождения Ким Ир Сена).

Властям КНДР удастся поддерживать социальную и политическую стабильность, несмотря на хронический экономический кризис. Плановая система парализована: индустриальный сектор за исключением оборонной промышленности практически простаивает, отчаянное положение сохраняется в энергетике, на транспорте. Сельское хозяйство из-за нехватки земель, устаревших технологий неспособно прокормить население.

После «трудного похода» (кризиса и голода) 1990-х годов нормированная система распределения практически рассыпалась. Народ выживал за счет рыночной торговли, челночных операций с Китаем, кустарного производства. Поначалу стихийный, сегодня этот процесс приобретает системный характер. Сложились «серый» сектор экономики и новый класс людей, связанных с рыночным сегментом (среди которых есть достаточно состоятельные по корейским меркам), распространилась коррупция. Периодически режим пытается ограничить рыночные операции, борется с «буржуазными проявлениями». Последний пример – конфискационная денежная реформа (деноминация) в ноябре 2009 года, направленная на экспроприацию средств, в первую очередь, «несоциалистического» элемента и ликвидацию рыночной торговли, прекращение хождения иностранной валюты. Реформа провалилась, что признали и власти, репрессировавшие исполнителей. Наступление рынка продолжается. Руководство КНДР, как нам кажется, молчаливо смирилось с этим и пытается использовать подобные процессы в своих интересах. В его руках – доступ к иностранной, прежде всего, китайской помощи, являющейся существенным фактором выживания. Продолжает расти и практически изолированный от национального хозяйства «открытый сектор» (совместные предприятия, экспортные зоны, правда, не всегда успешные), который находится под контролем государственно-силовой номенклатуры.

Репрессивный режим контроля над населением в последнее время стал давать сбои. В страну, несмотря на все запретительные меры, стали проникать не только импортные товары, показывающие северокорейцам глубину их экономической отсталости, но и идеология свободы, масс-культура, в том числе южнокорейская. В «верхах» сильны опасения того, что «открытость» приведет к размыванию власти, именно поэтому КНДР не заимствует «китайский путь». Население, однако, в целом сохраняет лояльность властям, редкие протесты не выходят за рамки экономических. Многолетняя пропаганда привела к тому, что значительная часть северокорейцев искренне убеждена, что проявление нелояльности руководству, «измена идеалам» будет иметь катастрофические последствия и для каждого, и для судьбы «самой превосходной» корейской нации. Существуют опасения оказаться «порабощенными империалистами и южнокорейцами». Общество остается серьезно стратифицированным. К официальному делению населения на полсотни категорий добавилось имущественное неравенство. Однако социум остается упорядоченным, и эту своеобразную стабильность многие северокорейцы боятся променять на свободу и хаос. Хотя «новый класс» показывает альтернативу этому устройству жизни.

Ким Чен Ир, возглавивший после смерти отца кланово-феодалную систему власти, зарекомендовал себя в качестве способного лидера, пусть и отличающегося нестандартными с точки зрения западных политиков манерами и методами. Впрочем, трудно ожидать иного от руководителя, унаследовавшего монолитную тоталитарную систему. Настойчиво продвигаемой западными СМИ стереотип непредсказуемого и взбалмошного диктатора далек от действительности. Между прочим, на становление его личности оказала немалое влияние «русская душа», и наша страна для него, несмотря на политические разногласия, не является чуждой. Действия Ким Чен Ира, как правило, продуманы, просчитаны на много ходов вперед, опираются на консенсус в руководстве страны.

Руководители КНДР, однако, остаются заложниками системы, и логика их поведения целиком диктуется задачей самосохранения, а не развития. Ведь в отличие от других бывших социалистических стран демонтаж режима означает не просто смену политической системы и правящих элит, а угрозу самой северокорейской государственности: Север может быть немедленно поглощен Южной Кореей.

Для выживания политической системы критически важны не только внутренние, но и внешние факторы. Если во времена Ким Ир Сена КНДР балансировала между СССР и КНР, то теперь, похоже, такую игру руководство хотело бы играть в отношении США и Китая, чтобы сохранить независимость и извлекать выгоду из их

конкуренции. Налаживание диалога и нахождение модуса вивенди с США – пожалуй, главная цель внешнеполитической стратегии страны.

В начале XXI века, преодолев жестокий экономический кризис и голод середины 1990-х годов, КНДР пошла на сближение с Югом, нормализацию отношений с Японией, с ЕС, делала активные авансы США, на время практически полностью заморозила ядерную и ракетные программы, предприняла попытки экономических реформ, создания «открытого сектора» в экономике. Тем самым обозначилась возможная альтернатива закрытости и чуждейской ортодоксальности.

Однако стремление режима к международной легитимизации явно не отвечало планам США. Подняв во многом надуманную тему «секретной урановой программы», США прервали «мирное наступление» КНДР. В Пхеньяне это окончательно развеяло иллюзии о возможности найти компромисс, не выступая с «позиции силы».

Ядерная проблема.

Причины, краткая история, оценка потенциала

Начало ядерной программы КНДР связывают с 1952 г., когда – в разгар Корейской войны – было принято решение о создании Исследовательского института ядерной энергии. Развернутое строительство объектов ядерной инфраструктуры страны относят к концу 1950-х годов. Ядерной программе содействовал СССР, готовивший специалистов и поставившей в середине 1960-х гг. исследовательский реактор, находившийся под гарантиями МАГАТЭ. Следует, однако, отметить, что плутоний северокорейцы нарабатывали на самостоятельно модернизированном – без нашего ведома – газографитовом реакторе в Нёнбёне (южнокорейское чтение – Ёнбён) мощностью 5 МВт и сами же создали радиохимическое производство.

Первые значимые партии плутония были, очевидно, получены уже в начале 1990-х гг. Озабоченный этим Вашингтон возглавил «поход» против пхеньянской ядерной программы. КНДР в ответ объявила в 1993 г. о выходе из Договора о нераспространении (позднее приостановленном) и прекратила сотрудничество с МАГАТЭ. Раскручивание спирали напряженности едва не привело к военному удару по ядерным объектам КНДР в 1994 году. Однако после встречи бывшего президента США Дж. Картера с Ким Ир Сенем было заключено т.н. Рамочное соглашение, суть которого – замораживание, а впоследствии и ликвидация ядерной программы КНДР в обмен на прекращение враждебности со стороны США вплоть до эвентуальной нормализации. США также взяли обязательство об экономической помощи и о

строительство в КНДР в рамках международного консорциума «КЕДО» АЭС с двумя реакторами мощностью 1000 МВт. Однако, как стало ясно позднее, администрация Клинтона рассчитывала на скорый крах КНДР, а потому не спешила ни со строительством, ни, что было главным для Пхеньяна, с реальным признанием легитимности режима.

Не исключено, что Пхеньян и в тот период предпринимал шаги в области исследований по обогащению урана, направленных на освоение альтернативного плутониевому методу получения боезарядов, подозревая, что США не собираются выполнять свою часть сделки. В Пакистане северокорейцы получили 14 центрифуг и технологию обогащения. Однако развернутой урановой программы в тот период явно не было. Тем не менее, обвинения на этот счет администрации Дж. Буша в 2002 году привели к коллапсу Рамочного соглашения. В начале 2003 г. КНДР окончательно вышла из ДНЯО, выслала инспекторов МАГАТЭ и перешла к созданию плутониевого ядерного оружия. Нарботанного плутония достаточно, по оценке, для производства 8–10 ядерных зарядов, но неизвестно, сколько выделено плутония оружейного качества (два заряда уже использованы во время испытаний 2006 и 2009 г.г). КНДР заявляет также об овладении технологией обогащения урана и даже «термоядерного синтеза».

Сам по себе нынешний ядерный потенциал КНДР имеет, главным образом, политико-психологическое значение: с военной точки зрения он пока не представляет значительной угрозы, в том числе из-за неразвитости средств доставки. Использование ядерного оружия в военном конфликте маловероятно, хотя не исключено в качестве «крайнего средства»; вероятность же такого конфликта все же невелика (именно, не в последнюю очередь, в силу ядерного сдерживания). Непосредственная угроза для России от северокорейских ОМУ сводится к опасности непреднамеренных акций или несчастных случаев.

Ядерная программа КНДР, однако, создает серьезную угрозу режиму нераспространения. Она оказывает провоцирующее воздействие на Японию, в меньшей степени – на Южную Корею и Тайвань. Нельзя игнорировать возможность попадания северокорейских ядерных материалов в руки террористов. Активно развивается ракетная программа.¹ Дальнейшие ракетно-ядерные эксперименты КНДР,

¹ Заметные достижения ученых и инженеров Северной Кореи в разработке многоступенчатых жидкостных ракет-носителей (в частности, успешное испытание в апреле 2009 г. трехступенчатой ракеты), позволяют говорить о намерении Пхеньяна обладать потенциальными ракетными средствами доставки с дальностью в несколько тысяч километров. Бесконтрольный экспорт ракет и ракетных технологий, в том числе радикальным исламским режимам (служащий для Пхеньяна важным источником валюты), не может не беспокоить Россию.

включая даже термоядерные, могут привести к изменению военного баланса в регионе, а поэтому Россия заинтересована в прекращении подобных программ КНДР.

Как относиться к ядерному статусу КНДР? Ряд экспертов считает, что КНДР следует рассматривать в качестве де-факто ядерного государства, аналогичного по статусу Пакистану или Индии. КНДР не может вновь присоединиться к ДНЯО как ядерное государство, а возврат в качестве неядерного в рамках нынешнего переговорного процесса труднодостижим. Не вполне ясна сама концепция «денуклеаризации», так как закрытый характер КНДР исключает верификацию.² Денуклеаризация без смены режима осталась бы, в лучшем случае, непроверяемой декларацией.

Дипломатическое урегулирование ядерной проблемы: вопросы и варианты

Провал попыток США остановить ядерную программу КНДР на двустороннем треке привел к созданию в 2003 г. системы многостороннего диалога, который мыслился Соединенными Штатами как средство формирования единого антисеверокорейского фронта, прежде всего, для того, чтобы связать «круговой порукой» Китай. Хотя сама идея была выдвинута Россией в 1994 году (исходя из справедливых опасений о том, что иного пути вовлечения России в решение корейских проблем нет), никто из инициаторов нового формата привлечь Россию к нему не собирався. Лишь благодаря позиции северокорейцев, увидевших в России «балансир» против чрезмерной зависимости от Китая, наша страна оказалась за столом шестисторонних переговоров, начавшихся в Пекине в августе 2003 г.

В принятом 19 сентября 2005 года Совместном заявлении в числе прочего зафиксировано обязательство КНДР об отказе от ядерного оружия, всех существующих ядерных программ и возвращении в возможно короткие сроки в ДНЯО и МАГАТЭ. Позднее стороны пришли к договоренности о разделении этого процесса на несколько этапов. На первом этапе предусматривалась приостановка работы ядерного реактора в Нёнбёне. Результатом второго этапа должно было стать – в обмен на предоставление Пхеньяну энергетической компенсации – выведение из строя пяти северокорейских ядерных объектов. Вплоть до 2007 г. правоконсервативные элементы

² Полный отказ КНДР от национальных ядерных программ вряд ли достижим, поскольку лишение страны права на мирные ядерные разработки противоречит принципам Договора о нераспространении, в который мы призываем ее вернуться. В принципе возможно соглашение о прекращении производства новых оружейных ядерных материалов, демонтаже ряда ядерных объектов (особенно выработавших свой ресурс). Однако установление международного контроля над ядерными материалами и тем более ядерными боезарядами требуют коренного изменения ситуации. Но и тогда, принимая во внимание опыт Ирака, не следует ожидать от руководства КНДР согласия на проведение широкомасштабных интрузивных инспекций, доступа к специалистам КНДР, занятым в ядерной программе, верификации в удовлетворяющих мировое сообщество масштабах.

в Соединенных Штатах предпринимали попытки торпедировать дальнейший процесс. В КНДР восприняли замораживание в конце 2005 г. по требованию США счетов КНДР в банке «Дельта» в Макао как попытку отрезать ее от мировой финансовой системы, и Пхеньян отказался от продолжения переговоров. Убедившись в малой результативности уступок, КНДР произвела первое ядерное испытание в октябре 2006г.

Реагируя на это, в начале 2007 г. США согласились на компромисс. КНДР должна была в обмен на экономическую помощь и шаги по нормализации отношений вывести из рабочего состояния реактор в Нёнбёне и представить декларацию о своей ядерной деятельности. При этом Пхеньян не брал на себя никаких конкретных обязательств в отношении других элементов ядерной программы, особенно по ядерным взрывным устройствам и предприятиям по их производству. Но, в том числе, в связи с болезнью Ким Чен Ира в 2008 г. и ввиду недобросовестного выполнения обязательств другими участниками переговоров (снятие санкций, помощь), северокорейцы не спешили договариваться с уходящей администрацией США. Есть и более глубокая причина прекращения диалога – на повестку дня уже встал реальный отказ от ядерного оружия и расщепляющихся материалов. До получения гарантий признания и безопасности Пхеньян это делать не собирается. Именно поэтому КНДР отвергла довольно привлекательный «пакет», предложенный, по некоторым сведениям, администрацией Буша в конце 2008 г.

Придя к выводу, что переговоры в нынешнем формате не приближают решения главной задачи – международной легитимизации и сохранения режима, КНДР спровоцировала обострение ситуации. В апреле 2009 года она испытала баллистическую ракету, и, воспользовавшись в качестве предлога острой реакцией на это со стороны других членов «шестерки», вышла из переговоров и провела второе ядерное испытание (май 2009). Сегодня КНДР открыто позиционирует себя как ядерная держава.

Перспективы возобновления переговоров туманны. Сначала КНДР выступала против этого, аргументируя свою позицию тем, что переговоры стали инструментом давления на нее, а политические обязательства, взятые на себя США, не выполняются. Несмотря на то, что летом 2010 г. КНДР (очевидно, стремясь завязать диалог с США после обострения ситуации в связи с «Чхонаном») стала говорить о возможности возврата к переговорам, теперь уже резко против выступает Южная Корея, требующая «извинений» за гибель своего корабля. Южнокорейцев поддерживает Япония, а также, вынужденно, во многом вразрез с собственными интересами, Вашингтон, где сильны

голоса противников всякого диалога с КНДР. Вместе с тем, с учетом объективной необходимости для Запада все же имеет канал обсуждения с КНДР своих озабоченностей (прежде всего, связанных с ОМУ), а также китайского лоббирования, переговорный процесс должен возобновиться, возможно, в измененном формате и с иной повесткой дня. Хотя альтернативы переговорам, фактически, нет, «старая» шестисторонка свою роль сыграла, и вопрос в формате и мандате нового переговорного цикла.

Сегодня постановка в центр переговорного процесса темы отказа КНДР от ядерного оружия нереалистична. В таких условиях на первый план в дипломатическом процессе, наверное, должна быть выдвинута задача прекращения КНДР дальнейших ядерных разработок при ориентации на декларативную неконкретизируемую цель «денуклеаризации» в отдаленном будущем. Денуклеаризация в принципе вероятна лишь в перспективе и лишь в случае исчезновения внешней угрозы и необходимости поддерживать «образ врага» для сохранения контроля над внутривосточной ситуацией. Но без замены (или подкупа) элиты отказ КНДР от ядерного оружия вряд ли вероятен. Достигнуть денуклеаризации возможно лишь многолетними настойчивыми усилиями в контексте смены поколений в руководстве КНДР.

Интересы основных международных акторов

Интересы участников переговоров трудносовместимы и выходят далеко за рамки собственно ядерной проблемы КНДР. У США, Японии и РК «нераспространенческая» повестка дня сочетается с повесткой смены режима: санкции ООН и другие механизмы воздействия на КНДР они пытаются трактовать расширительно и использовать их как инструмент ослабления не только военного, но и экономического потенциала КНДР. Китай и Россия, выступая за денуклеаризацию Корейского полуострова, не заинтересованы в коллапсе или, во всяком случае, насильственной смене режима, и предпочли бы его постепенную и мирную трансформацию.

Позиция США

Линия Вашингтона в корейских делах складывается под воздействием целой группы факторов. От эмоционально-идеологических, связанных с психологической инерцией Корейской войны 1950-1953 гг. (в этом одна из причин неготовности пойти на силовое решение) и общей аллергии в отношении северокорейского режима, до реальных нераспространенческих озабоченностей и военно-стратегических соображений.

Очевидно, что КНДР – это своего рода «кость в горле» США. Маленькое государство, не имеющее сколько-либо существенного военного потенциала, с практически разваленной экономикой и полуголодным замерзающим населением – и при этом открыто противостоящее США. Запад в целом, и в особенности консервативное крыло американского истеблишмента, не готово смириться с существованием тоталитарного репрессивного режима в его нынешнем виде и по идеологическим соображениям. Но еще важнее геополитическая мотивация. Международное признание «режима-парии», нормализация на Корейском полуострове могут поставить под вопрос необходимость американского военного присутствия в регионе, создания ПРО ТВД в Северо-Восточной Азии. Все это было бы серьезной неудачей в решении задачи воспрепятствовать эвентуальному становлению китайского доминирования.

«Программа-максимум» – ликвидация КНДР – не только означала бы «переигровку» результатов Корейской войны 1950-1953 годов, но и завершила бы процесс пересмотра итогов Второй мировой войны на Дальнем Востоке. Возможный выход американских вооруженных сил с их высокоточным оружием нового поколения на почти 1400-километровую сухопутную границу с Китаем и на границу – пусть даже 17-километровую – с Россией привел бы к кардинальным изменениям военно-политической обстановки в этом регионе и во всем АТР.

В то же время Вашингтон сейчас явно не готов к сценарию распада КНДР, не только из-за издержек региональной и глобальной экономики, но и из-за нежелания конфликтовать с Китаем по вопросам раздела сфер влияния в Корее и пребывания эвентуально объединенной Кореи в военном союзе с США. Вашингтон по закрытым каналам уже начал зондировать китайские планы в случае кризиса в КНДР.

На деле для американцев вполне приемлемы дозированные, не превышающие определенной амплитуды колебания, напряженность в регионе и даже сохранение у КНДР некоторого ракетно-ядерного потенциала.

На политику США в отношении КНДР большое влияние оказывала внутривнутриполитическая борьба. В 1990-е гг. республиканское большинство в конгрессе практически парализовало усилия администрации Клинтона по выполнению договоренностей с Пхеньяном, достигнутых в 1994 г. После прихода к власти республиканской администрации в 2001 г. КНДР была включена в «ось зла», что сделало оправданными опасения Пхеньяна о повторении в отношении него «иракского сценария». А предсказуемая несдержанность Пхеньяна в ракетно-ядерной области

стала убедительным аргументом в пользу усилий по развертыванию стратегической системы ПРО США.

Администрация Б. Обамы вынуждена оглядываться на республиканцев и пытается в целом продолжить сочетание «кнута» (санкции) с обещаниями «пряника» в рамках выжидательной политики, стараясь не реагировать на северокорейские провокации. В экспертном сообществе США продолжают дебаты о модальностях общения с Пхеньяном; в первую очередь, дискутируется вопрос, как относиться к ядерному потенциалу КНДР, имея в виду все более призрачные шансы на его ликвидацию. После инцидента с «Чхонаном» Вашингтон в своих действиях вынужден оглядываться на Сеул, требующий усиления давления на Пхеньян и его изоляции. Администрация Обамы до сих пор так и не выработала внятной стратегии в отношении КНДР; она хоть и прислушивается к идеям партнеров, однако пока не в состоянии их совместить в единую целенаправленную линию. Поэтому лозунгом нынешней администрации стало «стратегическое терпение» в отношении Северной Кореи, что на деле означает отказ от диалога и сохранение и усиление санкций. Это подпитывает подозрения северокорейской элиты, что Вашингтон рассчитывает на катаклизмы в КНДР и поглощения Севера Югом, или на то, что возможная смена руководства сделает Пхеньян более покладистым. Вместе с тем осознание ущербности тактики отказа от диалога, попыток «спрятать голову в песок» в американской экспертной среде с середины 2010 г. углубляется, равно как и определенная фрустрация из-за необходимости оглядываться на Сеул, своей жесткостью загнавший ситуацию в тупик.

Роль Китая

Китай – решающий актер в корейских делах, причем руководствующийся не сиюминутными соображениями, а долгосрочной, многослойной стратегией. Китай не пойдет на то, чтобы «сдать» Северную Корею, входящую в сферу его многовекового влияния, по причинам как геополитическим, так и военным (ликвидация буфера между Китаем и силами США)³, хотя в последнее время в Китае нарастает раздражение в связи с действиями северокорейцев в ракетно-ядерной сфере, увеличением конфликтного потенциала с Югом растет. В Китае жива память о том, что за независимость КНДР во время Корейской войны погибли сотни тысяч китайских «добровольцев», и падение «социалистической власти» в соседней стране неприемлемо и по политико-психологическим мотивам.

³ Не исключены и территориальные притязания к Китаю со стороны объединенной Кореи.

После внутренних дискуссий в 2008-2009 гг. Пекин пришел к выводу о безальтернативности политики защиты нынешней власти в КНДР. Пекин вынужден идти на серьезные издержки для этого - он не поддавался на небывалое давление со стороны Южной Кореи и США, которые хотели использовать инцидент с «Чхонаном» для «отрыва» Пекина от Пхеньяна. Китай выступил по сути единственным защитником КНДР, не позволившим враждебным Пхеньяну силам добиться решительного усиления изоляции и нажима на КНДР, которое могло привести к существенному ослаблению режима. Платой стал кризис в отношениях с Южной Кореей, обострение геополитического противостояния с США в Восточной Азии - вплоть до демонстрации военной силы (серии военно-морских маневров с обеих сторон). Несмотря на это, в ходе двух визитов в КНР Ким Чен Ира (май и август 2010 г.). Пекин подтвердил ему свою поддержку, достигнуты договоренности о расширении не только экономического, но и военного сотрудничества, явно в пику американско-южнокорейским планам «реагирования в случае кризиса в КНДР». Китай активизировала усилия по наращиванию собственного присутствия в экономике Северной Кореи – с февраля 2010 года обсуждаются планы инвестировать в КНДР 10 млрд. долларов США.

Для Пекина Северо-Восточная Азия – стратегический плацдарм для реализации долгосрочной цели распространения китайского политического и финансово-экономического влияния на весь АТР. Активно используя излюбленный китайский инструментарий – торговое и инвестиционное сотрудничество – и дополняя его тезисами этнокультурной близости, общих цивилизационных ценностей и т. п., Китай стремится максимально консолидировать «восточноазиатскую тройку» в составе КНР, РК и Японии, сформировать в регионе обстановку стабильности и предсказуемости. В данном сценарии любая администрация США неизбежно будет испытывать растущие трудности в обосновании оправданности миллиардных расходов на содержание там американских воинских контингентов и, соответственно, вынуждена так или иначе «сжимать» его вплоть до полного ухода. Тем самым, цель китайцев по установлению своего единоличного доминирования в СВА (при том понимании, что к тому времени РК и Япония экономически уже не смогут конкурировать с Китаем) будет достигнута практически без какой-либо конфронтации с США.

Вариант существования разделенной, но нейтральной Кореи для Китая был бы предпочтителен, хотя в перспективе Пекин может не тормозить постепенное решение вопроса об объединении Корейских государств на основе военного нейтралитета и политической ориентированности на Китай. Китайцы хотели бы запустить процесс

реформ в КНДР по китайской схеме, однако нынешнее консервативное руководство КНДР пока не идет на это, опасаясь разбалансировки системы и роста китайского влияния.

Пекин не может поддерживать северокорейские ракетно-ядерные и прочие авантюры и потому, что они служат весомым доводом для властей США, РК и Японии в пользу наращивания американского военного присутствия в регионе, укрепления двусторонних военных альянсов, да к тому же может спровоцировать цепь «нуклеаризации» в регионе. Однако наличие у Пхеньяна пусть даже «призрака ядерного оружия» значительно минимизирует возможность того, что Сеул при поддержке США поддастся соблазну воспользоваться своим подавляющим военным превосходством и разом решить проблему объединения страны.

Китай привержен спонсируемому им шестистороннему процессу, однако не стоит абсолютизировать его ценность для Пекина – он занимает более низкое место в списке приоритетов китайской дипломатии по сравнению как с поддержанием отношений с КНДР, так и с США. Вместе с тем Китай активно работает над возобновлением шестисторонних переговоров, пытаясь примирить разнонаправленные интересы его участников.

Интересы Японии

Японцами руководит аморфный конгломерат мотивов, среди которых общая неприязнь к режиму КНДР, подпитываемая многовековой этнической рознью, страх перед последовательным усилением Китая и судорожные попытки сохранить японское технико-экономическое превосходство в регионе. Японская дипломатия бьется над неразрешимым противоречием – между стратегической целью укрепления национальной безопасности через компромисс с Пхеньяном и давней аллергией к Северной Корее. Она для Японии олицетворяет «образ врага», особенно в связи с «проблемой похищенных»⁴. Заикленность на этой двусторонней проблеме затрудняла шестисторонние переговоры, и поставила Токио в неудобное положение саботажника дипломатического процесса – в 2007 г. Япония оказалась в одиночестве, отказавшись от предоставления помощи КНДР.

Говорить о наличии у Японии четко сформулированного органичного комплекса интересов сегодня трудно, учитывая переживаемые страной на протяжении уже более

⁴ Несколько японских граждан было похищено северокорейским режимом в Японии в 1970-е гг. в целях разведывательно-диверсионного характера. Сами северокорейцы не считали это особо зазорным, рассматривая их как «военнопленных», «языков» в условиях отсутствия послевоенного урегулирования с бывшей метрополией. Ким Чен Ир и японский премьер Дз. Коидзуми в 2002 г. попытались было закрыть эту проблему – Ким Чен Ир признал факты и извинился. Однако впоследствии японская общественность стала требовать нереальных покаяний и компенсаций со стороны Пхеньяна.

чем двух десятилетий социально-экономические трудности и хроническую слабость сменяющих одно другое правительств. Сейчас на это нахлобачился и очевидный дилетантизм Кабинета, сформированного Демократической партией, которая всю свою историю находилась в оппозиции. В Токио без энтузиазма относятся к перспективе объединения Кореи – в том числе из-за опасений относительно появления крупного регионального конкурента. В обеих Кореях в разной степени наблюдаются антияпонские настроения, поэтому перспективы отношений между объединенной Кореей и Японией отнюдь не однозначны.

Фактор отношений Севера и Юга для политики России

В обеих частях Корейского полуострова национальный раскол воспринимается как результат «сговора» СССР и США после окончания Второй мировой войны. Неудачные попытки добиться объединения Кореи силой во время войны в 1950-1953 годах углубили противостояние. Национальной идеей и на Севере и на Юге остается объединение через «подавление» одной части Кореи другой, а отношения двух режимов стали «игрой с нулевой суммой». При этом корейцы в обеих странах хотели бы избежать участи снова стать игрушками в руках великих держав. На этом фоне комплекс «зависимости» южнокорейцев имеет следствием определенное морально-психологическое превосходство Севера, делающего ставку на самостоятельность.

Пхеньян до конца 1980-х годов считал, что дело лишь в том, чтобы выбрать подходящий момент для захвата Юга. После распада СССР уже южане стали всерьез готовиться к коллапсу на Севере и его абсорбции.

В целях маскировки, однако, еще с 1970-х годов велись первые официальные межкорейские контакты, и Севером была предложена идея конфедерации и объединения по схеме, которая была успешно применена впоследствии Китаем и Гонконгом. Южнокорейская концепция «содружества» предполагала переход КНДР к южнокорейской социально-экономической системе, что не устраивало Пхеньян, а северокорейская идея «конфедерации» считалась в РК пропагандистской уловкой, хотя в период нахождения у власти левоцентристского правительства президента Ким Дэ Чжуна и его преемника Но Му Хёна отношение к ней на Юге стало более конструктивным.

Лишь в этот период в результате политики «солнечного тепла», проводимой с 1998 года, забрезжила заря мирного сосуществования Севера и Юга. В начале XXI века сотрудничество между Пхеньяном и Сеулом на фоне разразившегося второго ядерного кризиса, вопреки привычной логике, не только не прервалось, как это бывало

обычно в периоды обострения напряженности между США и КНДР, но и приобрело второе дыхание. Состоялись два саммита, налачился диалог, выросла торговля, начали осуществляться межкорейские проекты, включая индустриальный комплекс в Кэсоне и туристический проект в Кымгансане, финансируемые южанами. Однако на Юге копилось разочарование неэффективностью помощи (которую Север считал само собой разумеющейся), ходом реализации совместных экономических проектов с КНДР, провокациями, иждивенчеством и эгоизмом северокорейских партнеров.

В результате пришедшая к власти в 2008 г. администрация Ли Мён Бака, объединяющая выходцев из политических кругов прошлых режимов, отбросила достижения «либерального десятилетия» и начала политику давления в отношении Севера, которую тот интерпретирует как очередную попытку «смены режима». Это стало одной из главных причин разворота Пхеньяна в сторону форсирования ракетно-ядерной составляющей политики в 2009 г. и современного кризиса на полуострове. Ли Мён Бак, пытаясь добиться «водительского места» в корейском урегулировании, выдвинул на первый план в отношениях с Севером проблему денуклеаризации, к которой, по мнению КНДР, Южная Корея не имеет отношения. Идея «большой сделки», декларированная президентом РК (денуклеаризация в обмен на нормализацию и экономическую помощь), хотя и правильна по сути, но в Пхеньяне воспринимается как демагогия и прикрытие планов по «поглощению» Севера. В последнее время в Сеуле, где непонимание ситуации на Севере является причиной растущей нервозности, стали всерьез готовиться к подобной возможности в близкой перспективе.

Обострение, вызванное гибелью «Чхонана», во многом явилось результатом комплекса целенаправленных действий южнокорейского правительства при поддержке США. Сеул развернул кампанию беспрецедентного международного давления на КНДР, пытаясь добиться дальнейшей изоляции Пхеньяна, ослабления режима и, в итоге, его «капитуляции». Путь к этому – добиться удушения КНДР через международное давление, двусторонние санкции и экономическую блокаду этой страны, психологическую войну против Пхеньяна, направленные на развал северокорейского общества изнутри. Успех такой политики, как, наверное, думают в Сеуле, позволит вписать имена ее авторов золотыми буквами в историю, как «объединителей Кореи». Ставки высоки- если к власти в 2012 году придут оппозиционные демократические силы (которые одержали победу в начале июня 2010 года на выборах в местные органы власти), против Ли Мён Бака может быть возобновлено расследование по коррупционным обвинениям, ему могут быть

предъявлены обвинения за срыв межкорейских соглашений по экономическому сотрудничеству. Пока США и Япония оказывают правительству Ли Мён Бака всяческую поддержку и политика давления на КНДР вряд ли будет остановлена. Из-за отсутствия механизма диалога и поддержания мира в Корее между двумя корейским государствами возможны новые и даже более крупные, чем с «Чхонаном», вооруженные инциденты.

Вместе с тем сегодня большинство южнокорейцев понимают, что хотя объединение страны декларируется в качестве основной цели государства на перспективу, экономический потенциал Юга недостаточен для того, чтобы сохранить в процессе объединения уровень жизни, достигнутой в Республике Корея ценой больших усилий. Молодое поколение не чувствует особого родства с северокорейцами и не горит желанием с ними объединяться, поставив под угрозу привычный образ жизни.

Для России постоянный конфликт Севера и Юга сужает возможности взаимодействия с Республикой Корея – динамичным и перспективным государством важнейшего восточноазиатского региона, членом «двадцатки» (хозяйном ее саммита 2010 г.в Сеуле). За прошедшее двадцатилетие РК смогла существенно продвинуться по пути либерально-демократического развития, в экономической сфере, и после тяжелых испытаний финансово-экономического кризиса 1997-98 гг. перейти со своей, по сути, новоиндустриальной экономической моделью в разряд среднеразвитых стран. РК использует все шансы, открывшиеся перед ней в ходе текущего мирового кризиса, и активно глобализирует свою экономику, успешно наращивая свой внешнеторговый оборот, прежде всего с ведущими мировыми экономиками.

Хотя в 2008 г. на уровне лидеров двух стран и декларирована цель движения к стратегическому партнерству, пока неясно, как наполнить его содержанием, кроме как в области экономики (впрочем, существуют подозрения, что РК стремится к привилегированному статусу ведущего партнера России в Азии лишь для получения льготного доступа к российским ресурсам, рассматривая Дальний Восток как своего рода «топливно-сырьевую кормушку»). Спустя двадцать лет после нормализации отношений Республика Корея стала третьим по значению экономическим партнером России в АТР, объем экономического сотрудничества с ней приобретает нарастающую положительную динамику, особое уделяется внимание совместным инвестиционным проектам (общая сумма накопленных южнокорейских инвестиций в российской экономике в 2009 году

составила 1,5 млрд. долл. США). Однако национальные стратегии стран не совпадают: для России главное – стабильность и развитие, продвижение своих экономических интересов в регионе в целях развития Дальнего Востока, для РК - объединение Кореи на своих условиях.

Расширение экономического взаимодействия России с обоими корейскими государствами может дать позитивный толчок и для укрепления сотрудничества в регионе СВА и в других сферах. Развитие взаимовыгодного диалога в рамках трех- и многостороннего сотрудничества (с подключением к проектам других азиатских стран) значительно ускорит разрешение существующих там политических противоречий и коллизий. Не следует отодвигать Южную Корею на задний план в двусторонних экономических проектах (в пользу Китая и Японии).

Варианты развития ситуации на Корейском полуострове и интересы России ***«Катастрофический» сценарий***

Насколько реалистичны настойчиво обсуждаемые варианты **коллапса КНДР** на фоне обострения ситуации вокруг ядерной проблемы КНДР, роста напряженности в отношениях с Южной Кореей? Для КНДР, десятилетиями живущей на осадном положении, эти факторы не являются критичными. Однако полностью исключить кризис (над провоцированием которого к тому же активно работают на Западе) все же нельзя. Хотя вероятность военного конфликта невелика, попытки «задушить» КНДР могут привести к глубокому экономическому кризису и хаосу, а в конечном итоге – к падению режима.

Наибольшую потенциальную опасность может представить кризис в руководстве КНДР. В специфической политической системе КНДР национальный лидер становится «государствообразующей» личностью. После болезни Ким Чен Ира (предположительно, инсульта или диабетического криза в августе 2008 г.) за рубежом возросла обеспокоенность по поводу отношения адекватности окружения «вождя» и его способности контролировать это окружение.

Опасность развития кризиса таится и в застое. Руководство КНДР – закрытый «клуб», состоящий из нескольких десятков (до сотни) представителей высшего звена государственной и политической элиты, в значительной мере включает членов родственного клана Кима. Только эта прослойка имеет полную информацию о ситуации в стране и вокруг нее, обладает широким кругозором, имеет доступ к реальным рычагам власти. Если «старая гвардия», учитывая ее преклонный возраст,

крайне низкий коэффициент обновления и ротации, не обеспечит адекватной преемственности, на сцену выйдут существенно менее информированные и профессионально подготовленные представители региональных элит, более низких звеньев государственного аппарата. Они могут не справиться с вызовами, особенно в случае ухода «вождя».

Вариантов кризиса в КНДР может быть несколько, а результатов – гораздо меньше: поглощение страны Югом или переход ее под более или менее мягкий контроль Китая.

Строится много предположений о том, что может произойти в КНДР, если она столкнется с неожиданным уходом лидера при неготовности к гладкой передаче власти. Нельзя полностью исключить варианта междоусобной борьбы, которая привела бы к расколу элиты, потери управляемости и полному распаду государства. Задержки с проведением партконференции, которая должна утвердить новые руководящие органы ТПК, породили предположения, что поиск компромиссов по кадровым назначениям оказался делом нелегким. Тем не менее в результате партконференции в сентябре 2010 года фактически обнародованы планы по продвижению к власти младшего сына Ким Чен Ира – Ким Чен Ына под опекой старшего поколения, прежде членов семейного клана. Это делает вероятность неконтролируемого развития событий довольно низкой. Но и при гладкой передаче власти возможны проблемы: новая элита, которая будет естественно приходить на смену старшему поколению, может быть существенно менее компетентна и воспитана в духе агрессивности. Она способна «заиграться» в провокациях и не оценить пределов терпения оппонентов. Возможен и ее раскол, особенно если будут предприниматься попытки «модернизации» системы. Реформы без предварительного решения вопроса об обеспечении внешней безопасности несут в себе угрозу полной разбалансировки политической системы и краха государства.

♦ Южная Корея намерена при подобной дестабилизации взять Север под контроль. «Горячие головы» в Сеуле стали считать, что «время объединения наконец пришло», а северокорейцы только и ждут «освобождения от гнета диктатуры». Однако там не вполне отдают себе отчет, что объединение путем поглощения может привести к весьма негативным последствиям – не только для корейской нации, но и всего региона. Велика вероятность того, что некоторая часть «бывших» – сторонников «чучхейского» национализма – начнет вооруженную борьбу «с оккупантами и компрадорами». Этим оппозиционерам будет нечего терять: южнокорейская общественность вряд ли удовлетворится освобождением от ответственности за

прошлые преступления «деятелей кровавого режима» и даже их потомков. Не вызывает сомнения, что планы подобного сопротивления, в том числе партизанской войны, в КНДР разработаны, и соответствующие базы уже имеются, причем на них могут быть ядерные материалы и ОМУ. Новые власти столкнутся не просто с диверсионной деятельностью по типу Афганистана, а с гражданской войной с возможностью применения ОМУ, причем не только в пределах Корейского полуострова.

Даже в случае, если удастся избежать столь драматических поворотов, северокорейское население, не готовое к включению в капиталистическое хозяйство и недовольное неизбежной для него ролью «людей второго сорта» в объединенной Корее, будет находиться в постоянной оппозиции к центральным властям. Это создаст длительную нестабильность в Корее.

♦ Другая возможность – активное вмешательство Китая, который в кризисной ситуации может попытаться поставить у власти в КНДР (или хотя бы в части приграничных районов, уступив южные районы РК) прокитайский режим, что для правящей в КНДР элиты все же предпочтительней, чем капитуляция перед Югом. Наверное, рациональный вариант поведения элиты в КНДР – «продаться» в случае острого кризиса Пекину, сохраняя границы КНДР, государственность, а быть может, и свои властные посты. Однако такой режим подвергнется остракизму и давлению Запада, что станет многолетней проблемой для Китая и его позиций в регионе, где возродятся страхи в отношении «гегемонизма» Пекина. Китай готовится к разным вариантам; так, активизировалось проведение военных учений в сопредельных с территорией КНДР китайских провинциях.

«Эволюционные» сценарии

Несмотря на рассмотренные выше возможности, оснований рассчитывать на то, что режим в КНДР в скором времени рухнет, в настоящее время не намного больше, чем ранее. Тем более, с учетом китайской поддержки.

Если все пойдет, как планируется, в обозримом будущем Ким Чен Ын, который на состоявшейся в сентябре 2010 г. партконференции избран членом ЦК ТПК заместителем председателя Военного комитета ЦК ТПК, (даже в случае смерти отца) будет, скорей всего, выполнять больше представительские, чем реальные функции. Практическое руководство государственными делами останется в тех же руках испытанных номенклатурных работников при эволюционной смене поколений. Вопрос в том, насколько сплоченными без «железной руки» окажутся приближенные, кто будет выполнять координирующие функции и определять приоритеты. Власть,

однако, останется в руках разветвленного клана Кимов и их приближенных. С глубоко эшелонированной властью правящего класса, повязанного тысячами родственных и дружеских нитей, придется считаться всем претендентам на власть, если на повестку дня встанет возможность замены верхушки режима. Любая новая власть будет вынуждена опираться на выпестованную в течение десятилетий по «признаку крови» многотысячную номенклатуру, в которой случайных людей нет. В силу особенностей доступа к информации и системы образования ей нет и альтернативы.

В зависимости от развития международной обстановки возможны два варианта в рамках рассматриваемого сценария.

◆ В случае продолжения ядерного кризиса, международных санкций, усиления политики изоляции КНДР сохранит свою закрытость и продолжит политику противостояния внешнему миру, опираясь на уникальный опыт длительного существования в изоляции разной степени жесткости. Кредо - ничего не менять. Мобилизационная модель командно-административной экономической системы, ориентированная на самодостаточность и самообеспечение, обладает резервами устойчивости и выживаемости в кризисных ситуациях. Расчет на внутренние оппозиционные движения КНДР необоснован – всякое диссидентство жестоко подавляется, условий для его становления нет. Такой застойный вариант наиболее безопасен для элиты.

◆ При возврате к конструктивным переговорам и политике «вовлечения» не исключено возобновление градуалистских экономических реформ в направлении эволюционной модели трансформации КНДР. В КНДР с теоретической точки зрения вполне применим «китайский путь» - с поправкой на важность сохранения в интересах недопущения брожений закрытости даже при разрешении (пока молчаливом) развития рыночных механизмов. Достижение реального политического компромисса в духе Заявления 19 сентября 2005 открыло бы дорогу к экономическому содействию КНДР со стороны мирового сообщества. В таком случае оно должно быть направлено на формирование в стране конкурентоспособной рыночной экономики на основе международного разделения труда (в первую очередь опирающейся на ресурсную базу и трудовые ресурсы страны) при минимальных покушениях на «суверенную автократию». Этому помогло бы сохранение власти в руках демократов в США после 2012 г. и переход власти к либералам в РК в 2013 году.

Режим в принципе и сам способен модернизироваться на основе корейского национализма и восстановления общения с южнокорейским соседом. Формирующийся из «канбу» (кадров) предпринимательский класс (олигархизация номенклатуры) мог

бы, при безусловной лояльности политическому руководству, стать двигателем экономических перемен. Через 10-15 лет Северная Корея способна продвинуться по пути реформ, вероятно, не в меньшей степени, чем нынешние Камбоджа или Вьетнам. Именно это создало бы для нее гарантии безопасности, которые сделали бы ядерное оружие и другое ОМУ излишними.

Выводы и рекомендации

С концептуальной точки зрения для России наиболее желательным было бы национальное примирение и мирное сосуществование двух корейских государств на пути к объединению Кореи на протяжении длительного исторического периода. Появление в перспективе единой Кореи, стремящейся поддерживать с Россией отношения дружбы, добрососедства и сотрудничества, в принципе, не противоречит глубинным российским интересам (в особенности по сравнению с другими сопредельными государствами). Вместе с тем в обозримой перспективе объединение Кореи маловероятно.

Однако необходим и «хеджирование рисков» - ведь полностью исключить внезапного кризиса, ведущего к обвальному объединению, все же нельзя. Неконтролируемая эскалация корейского конфликта не является невозможной, и задача российской политики, очевидно - недопущение такого «взрывного» сценария, разъяснение того, что предпочтительней была бы постепенная конвергенция, которая в свое время может поставить на повестку дня добровольное сближение государственных механизмов. Для начала, возможно, в форме конфедерации на пути к единому государству, если того захочет население Севера и Юга. Такой исход, однако, не предрешен – в мире немало примеров этнически близких государств, благоденствующих в тесном контакте, но без объединения. В любом случае желательно, чтобы корейское государство было нейтральным, мирным, не имела иностранного военного присутствия на своей территории.

В целом для России, с учетом ее нынешних возможностей, актуальной является не задача получения преобладающих позиций в Корее, а недопущение такой ситуации, когда весь полуостров оказалась бы под влиянием какого-то одного, тем более не вполне дружественного России, государства. Так как при нынешнем соотношении сил в США и наших экономических возможностях развитие событий по такому сценарию исключить полностью нельзя, для нас в кратко- и среднесрочной перспективе выгодно

существование КНДР в качестве суверенного государства, выполняющего роль определенного буфера для геополитических амбиций США в этом регионе.

Надо отдавать себе отчет в ограниченности имеющихся в нашем распоряжении рычагов. Тем важнее их искусное применение.

1. Даже с учетом того, что возможность кардинальных резких перемен в КНДР остается небольшой и возникновение острого кризиса маловероятно, необходим постоянный мониторинг ситуации и сохранение нормальных отношений с руководством как РК, так и КНДР. Оставаясь на позициях реализма, приходится признать, что наш уникальный капитал – традиционные отношения с элитой КНДР, какую бы аллергию северокорейское государственное устройство не вызывало в общественном мнении России. Другое дело, что эти отношения нужно и можно использовать не для консервации и потакания негативным тенденциям, а для позитивной эволюции системы и элиты, особенно представителей нового поколения. Для США, Китая, Южной Кореи российский фактор в шестистороннем процессе ценен только постольку, поскольку он может оказывать влияние на КНДР. Отношения с Южной Кореей хотя и самоценны, но имеют определенные лимиты, связанные с американским влиянием на политику своего важнейшего союзника в Азии.
2. . Единственным разумным путем решения ядерной проблемы является учет ряда озабоченностей КНДР в целях постепенного снижения значимости для Пхеньяна фактора ядерного сдерживания. В продвижении к денуклеаризации российские интересы совпадают с интересами США, Японии и РК. Однако следует , наверное, признать, хотя бы для самих себя, что «вырванная из контекста» решения корейских проблем полная ликвидация уже имеющегося ядерного потенциала КНДР не является для нас абсолютным и единственным приоритетом, по отношению к которому все остальные цели носили бы подчиненный характер. Если денуклеаризация произойдет без создания прочной системы коллективной безопасности в регионе, военные риски могут даже увеличиться.
3. . Сегодня на повестке дня должно, наверное, стоять «замораживание» имеющегося ракетно-ядерного потенциала КНДР при принятии ею проверяемого обязательства не претендовать на признание в качестве ядерной державы, выполнять требования ДНЯО, пребывая в нем, возможно, в «особом» статусе. Далее надо стремиться к отказу от военного ядерного компонента в будущем, когда удастся найти невоенные механизмы обеспечения безопасности КНДР –

вплоть до создания зоны, свободной от ядерного оружия. Следовало бы в инициативном порядке разработать (возможно, в консультации с китайскими спонсорами переговоров) и предложить членам «шестерки» и международным организациям стройную «дорожную карту» на этот счет.

4. В связи с затуханием шестистороннего переговорного процесса необходимы инициативы, чтобы не оказаться «за бортом» корейского урегулирования. Например, с учетом паузы в шестисторонних переговорах можно было бы возобновить нашу инициативу о созыве многосторонней дипломатической конференции по урегулированию в Корее (как это и было предусмотрено послевоенными договоренностями) в составе тех же стран, плюс ООН (возможно, под эгидой этой организации, формально являющейся участником боевых действий в Корее), а также с участием МГАТЭ. Существует опасность, что центр тяжести принятия решений переместится в формат, обсуждающий новый режим поддержания мира (США-РК-КНДР и КНР).. В российских интересах продвигать концепцию создания многостороннего механизма обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии как основы нового режима поддержания мира в Корее⁵. Вместе с тем идеи о создании некоего механизма координации (под руководством США) усилий «пятерки» в отношении Пхеньяна чреваты усилением его агрессивности, а также отчуждением между нашими странами.
5. Москве необходимо активизировать усилия по сохранению позиций в КНДР, в особенности в экономике и гуманитарной сфере. Следует просчитать эффективность участия в санкциях с точки зрения долгосрочных российских интересов. Символическим, с точки зрения признания реалий и проявления политической воли к улучшению двусторонних отношений в интересах укрепления безопасности в соседнем регионе, могло бы стать нахождение более гибких подходов к решению проблемы задолженности КНДР перед Россией,

⁵ Надо активизировать деятельность Рабочей группы по формированию механизма мира и безопасности в СВА под председательством России, в которой было согласовано принципиальное содержание проекта Руководящих принципов мира и безопасности в регионе как первый шаг на пути конструирования многосторонней системы региональной безопасности. Желательно сосредоточиться на разработке надежных и эффективных гарантий безопасности всех государств-участников, которые имели бы обязательный характер, независимый от той или иной политической конъюнктуры. Такую позицию России следовало бы авторитетно довести до наших партнеров по переговорам. Нам следовало бы более внятно высказаться против иностранного военного присутствия в Корее после ее возможного объединения. Оно может быть направлено только против Китая и России, особенно с учетом включения сил передового базирования США на Корейском полуострове и в Японии в сферу действия создаваемой американцами в регионе системы ПРО ТВД.

6. На перспективу продолжает оставаться актуальной реализация крупных проектов, таких, например, как стыковка российского Транссиба с корейскими железнодорожными магистралями. Показательным примером могли бы стать меры по реанимации этого проекта, хотя бы первого этапа: строительства ветки Хасан-Раджин для транспортировки контейнеров из Южной Кореи⁶. Дальновидно было бы держать «в подогретом состоянии» проекты строительства ЛЭП через территорию КНДР в РК и газоснабжения Корейского полуострова. В ходе переговоров о денуклеаризации может встать вопрос и о строительстве в КНДР АЭС, позиции для участия в котором надо готовить загодя⁷.
7. С учетом симпатий населения и части кадров в КНДР к русской культуре и духовности, к «русскому миру», следует коренным образом пересмотреть отношение к культурному сотрудничеству с КНДР, реализовать программы в области продвижения русского языка и культуры, тем более, что определенный задел уже есть.
8. . В отношениях с Южной Кореей в основном удалось ликвидировать или смягчить проблемы прошлого, обеспечить высокий тонус политического диалога, в том числе и по глобальной проблематике (в частности, в рамках «двадцатки»). В нашей стратегии в отношении этой страны - влиятельного экономического игрока не только в региональном, но и в глобальном масштабе - должна

⁶ Оператором проекта является ОАО РЖД, которое рассчитывало на южнокорейские инвестиции в проект; в связи с переходом Сеула к жесткой политике в отношении Севера компании пока опасаются вкладывать средства, и решительные действия российской стороны могли бы послужить хорошим знаком. Бесконечное затягивание этого сравнительно скромного проекта девальвирует политические заявления российских руководителей на этот счет. КНДР не раз подтверждала свою заинтересованность в соединении транскорейских дорог с Транссибом и, видимо, будет готова при определенных условиях предоставить свой территорию для строительства газопровода и ЛЭП из России в РК. Настороженное отношение РК к участию в этих трехсторонних проектах объясняется наличием высоких политических рисков. Не исключено, что если Россия возьмет эти риски на себя (например, будет гарантированно поставлять газ и электроэнергию на условиях «франко-граница ДМЗ»), то Сеул согласится участвовать в проектах.

⁷ АЭС на легководных реакторах из соображений энергетической безопасности Северной Кореи крайне необходима. В этой связи следовало бы подтвердить наше признание права КНДР на атомную энергетику под контролем МАГАТЭ. До сих пор не отменено и соглашение с СССР 1985 г. о строительстве АЭС. Однако такое строительство практически сложно осуществить ввиду неизбежно жесткой конкуренции со стороны других участников «шестерки», прежде всего РК. В этой связи более перспективным могло бы стать наше сотрудничество с КНДР в рамках деятельности МЦОУ, разумеется, при условии соблюдения Пхеньяном всех необходимых международных требований и обязательств на этот счет. Эту позицию необходимо заявить уже сейчас.

превалировать экономическая составляющая, причем необходимо стремиться к равноправному характеру партнерства, участию РК в долгосрочных планах развития Дальнего Востока. Именно в этом и состоит «стратегический» характер отношений. Продвигать на южнокорейский рынок следует не только ресурсы, но и технологии на взаимовыгодной основе. Благодатна и почва для культурного проникновения. Вместе с тем следует аккуратно отводить попытки Сеула диктовать нам линию поведения на Корейском полуострове и в отношении Северной Кореи, в том числе оказываться в положении арбитра в межкорейских «разборках».